

A stylized, high-contrast illustration of a woman's face and shoulders. The face is rendered in black and white, with a large, teardrop-shaped eye. The background is a vibrant red. The woman's hair and shoulders are depicted with black outlines. The overall style is graphic and modern.

16+

Нариман Туребаев
рассказ хозяйки

Нариман Туребаев

Рассказ хозяйки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56309045

SelfPub; 2021

Аннотация

Бывший диктатор возвращается в страну, чтобы умереть на родине, и поселяется в небольшом домике у старой женщины. Но никто ему здесь не рад.

Нариман Туребаев

Рассказ хозяйки

Кто-то любит ловить восход, кто-то – закат. Закат – это мое. Я ведь сама на закате, и это багровое умирающее солнце дает мне столько удивительных, но несбыточных надежд на вечную жизнь! Ведь завтра оно возродится, но с другой стороны моего дома, где мне его никогда не увидеть – там живут жильцы, и право заходить туда я отняла у себя, когда потеряла сына. Никому не дано переступать черту чужой жизни, даже если там все хорошо. А теперь, после всего, я совсем перестала выходить из дома, и сейчас пишу эти строки при свете тоненькой свечки, поскольку очень часто стали отключать свет. И происходит это только в моем жилище – всю нашу улочку с крошечными домами по-прежнему греют теплым светом ряды фонарей, и окна соседей словно веселые разноцветные гирлянды отражаются в темных стеклах моих окон, за которыми всегда лишь тишина двух живущих здесь людей. Нас давно двое – месяцы, может, даже год. Та ночь уже не сияет ярким огнем в нашей стариковской памяти, да и кажется, что и вспоминать-то особо нечего. Чувшь какая-то, ерунда, мелкое происшествие, недостойное описания. Но рука сама потянулась к ручке, которой я обычно заполняю бланки да квитанции, дающие жизням пожилых людей хоть какой-то смысл. Именно сейчас мне поче-

му-то кажется, что то, что я хочу описать, имеет более великий смысл, чем эти важные бумажки. К тому же, почтальоны мне давно их не приносят, за десятки метров обходя мой дом. Для них, как и многих других, он – ад. Для нас же с ним, двух скромных и малоподвижных стариков, этот дом является неким клубом для жарких бессловесных дискуссий, когда говорят только наши взгляды, и бесконечно пьется чай, чашка за чашкой, чашка за чашкой.

Да, на той, солнечной стороне живут жильцы, для которых всегда готовы три уютных комнаты с широкими кроватями и белыми полупрозрачными шторами. В них нет телевизоров, да и зачем им там быть, когда можно наслаждаться роскошным палисадником за окнами, в которых я столько лет растила всякую зеленую поросль с извилистыми ветвями, рисующие по утрам на шторах в лучах восходящего солнца причудливые картины. А в редкие дожди широкие листья этих растений дарят моим жильцам неспешную музыку капель, похожую на игру волшебных тамбуринов, успокаивая всех нас, живущих здесь.

Жильцов уж нет, и не будет никогда, а того единственного, кто остался, мой язык не поворачивается назвать жильцом. Трудно признаться, но, кажется, на склоне лет я обзавелась второй половинкой, и это уже до конца, поскольку он близок, и бояться тут нечего. Вдвоем уходить всегда легче, и даже

если он уйдет раньше меня, я буду знать, что он тут, рядом, в моем палисаднике, как он того желал – быть похороненным у старого папоротника под его окном. И, все-таки, я надеюсь умереть с ним в один день, как это бывает в любовных романах. И эту надежду разбудил во мне он – ведь до этого я многие годы жила в кроткой печали, когда думала, что все самое лучшее осталось в моей далекой молодости.

Пока я пишу, огонек свечи играет на рубиновых стенках бокала – возможно, именно это вино сейчас развязывает мой язык. Лай собак умолк, мой старик затих и уже не храпит, и я могу спокойно разложить перед вами необычайную мозаику того, что люди называют Большим Ночным Кошмаром, обвиняя, конечно, во всем его. Кошмар действительно имел место быть, но позволю себе заметить, что людская неблагодарность не знает границ, и именно она стала причиной случившегося. К тому же, все кошмары начинаются сперва в наших головах, и только от нас зависит, вырвутся ли они наружу.

Его привезли рано утром, машины совсем не было слышно, даже гравий перед моим домом не издал ни звука под ее колесами. Я поняла, что он здесь, только когда раздался звук захлопывающихся дверей машины. В ту же секунду она уехала, с громким ревом мотора, в котором мне послышалось облегчение. Снова наступила тишина, слишком длин-

ная, тягучая тишина, и я вдруг засомневалась, что он действительно здесь. Этому мне точно не нужно было, ведь я так долго этого ждала! Мне пришлось покинуть кухню, где я готовила завтрак для дорогого гостя, и выйти туда, к утреннему солнцу, чего не делала очень давно до этого, и никогда не делаю теперь. Только один раз, и только ради него – я не хотела поверить, что они меня обманули. Ноги мои не так быстры, и прошло несколько минут, прежде чем я преодолела пару поворотов по коридору, вошла в прихожую и поднялась по узким ступенькам к входной двери. У двери я замерла, вдруг вспомнив, что забыла захватить солнцезащитные очки на такой случай. Но терять времени было нельзя, и я с силой толкнула дверь вперед.

Он сидел в самом конце песчаной дорожки, ведущей от двери дома к несуществующей теперь калитке – его все-таки занесли во двор, видимо, опасаясь людского гнева. У меня по его милости, как и у всех повсюду, нет ни калитки, ни забора, но от постороннего глаза дом хорошо защищают густые растения, о которых я говорила. Он сидел, опустив голову, в белой помятой шляпе, больше похожей на панаму, в бежевом костюме, в солнечном свете сверкали хромированные ободки колес его коляски и часы на его правом запястье. Только их ему и оставили из того богатства, что он имел – золотые часы его отца, которые знают даже в самом глубоком захолустье, ведь он с ними никогда не расстается.

Солнце сегодня утром нестерпимо горячее, и, так быстро, как возможно при моем здоровье и возрасте, я поспешила к нему. Приблизившись, я опять замерла и не смела сказать ни слова около минуты – никогда еще в жизни я не видела его так близко. А он все сидел и ждал, поля шляпы закрывали его лицо, и мне была видна только его редкая седая борода. Там, на чужбине он оброс, костюм его был так же измят, как и шляпа, а потрепанные черные сандалии были надеты прямо на серые носки. Видимо, он совсем опустил руки, раз перестал следить за собой. Или те, кто призван был за ним ухаживать, брезговали прикоснуться к нему. Скорее всего, верно было последнее, поскольку и запах от него шел не самый приятный – его давно не мыли. Так и не сказав ничего, я обошла его и, взявшись за ручки коляски, покатила его к двери. Катить поначалу было нелегко, колеса пробуксовывали, натываясь на мелкие камни, но во мне словно возродились новые силы, и вторую половину дорожки я промчала его так, что песок на полметра взлетал вверх по бокам. Я очень долго его ждала. Наконец, мы остановились. У двери была единственная ступенька, в которую уперлась коляска, и, конечно же, мне было не под силу перевалить эту тяжесть даже через такое небольшое препятствие. Я снова молча стояла возле него, тяжело дыша и думая о том, как занести его в дом. Сделать надо было это быстро, ведь там внутри никто его не тронет, там он полностью будет под моим контролем. И тут я услышала знакомый хриплый голос из-под шляпы,

прозвучавший очень тихо: «Она поможет. Попросите ее, пожалуйста». Она?! И я поняла, о ком он говорил. Я взглянула в ближайшее к двери окно, и там стояла она, Ольга. Хотя отражение солнца в стекле мешало разглядеть ее лицо, но очертания ее все еще привлекательного тела за шторами, в чем-то черном, были легко уловимы. Ольга, бывшая когда-то актрисой, тогда была моей единственной постоялицей до его появления, а теперь она неподвижно стояла там, в своей комнате, и смотрела на нас. Жила она у меня не так давно, и подружиться мы с ней не успели, но женщина она была тихая и приветливая. Я помахала ей рукой, призывая выйти на крыльцо. Через пару секунд ее фигура в окне исчезла, и вскоре мы, две немолодые дамы, с большими усилиями переваливали коляску с ценным для меня грузом через порог. У нас все получилось, я захлопнула дверь, и мы, обе с растрепанными волосами, сели на стулья у стены в прихожей, прямо напротив него. Сказав ту одну фразу перед дверью, он снова замолк, и сидел, по-прежнему закрыв лицо шляпой. Я чуть наклонилась вперед и спросила: «Вы голодны?». Он слегка качнул шляпой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.